

СКАЗКИ про
ВЫХУХОЛЬ

—
•—
ЮРИЙ
ИЛЯЛИН

Юрий Иляхин

**Сказки про Выхухоль. Основано
на реальных событиях**

«Издательские решения»

Иляхин Ю.

Сказки про Выхухоль. Основано на реальных событиях /
Ю. Иляхин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938170-5

Это сказки про Выхухоль, которая, может быть, и не выхухоль вовсе, и не птица, и не зверь... Она поселилась в скворечнике величиной с дом, который построил в лесной деревне Борис Дубов, немного не рассчитав размер. К их компании постепенно присоединяются Мотылек Сяо-цань с весьма туманной биографией, неунывающая Барашка, Гремучая змейка, эстетствующий Ворон по имени Канарей и другие. Приключения происходят в деревне, в лесу и на реке, по которой друзья отправляются в свой Великий поход.

ISBN 978-5-44-938170-5

© Иляхин Ю.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия:	6
Выхухоль и скворечник	7
Выхухоль и Борис Дубов	8
Выхухоль и внешний вид Выхухоли	10
Выхухоль и прогулки	11
Выхухоль и иностранные языки	12
Выхухоль и пение	13
Выхухоль и Печник	14
Выхухоль и Гремучая змейка	15
Выхухоль и Рыбка	16
Выхухоль и раздумье	17
Выхухоль и наука	18
Выхухоль и Гремучая змейка-2	19
Выхухоль и самолеты	21
Выхухоль и нападение зимних зайцев	22
Выхухоль и плавание	25
Выхухоль и Соседская старушка	26
Выхухоль и осиное гнездо	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сказки про Выхухоль

Основано на реальных событиях

Юрий Иляхин

Публикуется в авторской редакции с сохранением орфографии и пунктуации подлинника.

Иллюстратор Юрий Иляхин

© Юрий Иляхин, 2018

© Юрий Иляхин, рисунки, 2018

ISBN 978-5-4493-8170-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия: Выхухоль и ее друзья

Это сказки про Выхухоль, которая, может быть, и не выхухоль вовсе, и не птица, и не зверь, и большая к тому же – повыше даже своего приятеля, Бориса Дубова.

Она поселилась в скворечнике величиной с дом, который построил в лесной деревне Борис Дубов, немного не рассчитав размер.

В компанию Выхухоли и Бориса постепенно вливаются и становятся друзьями: Мотылек Сяо-цань, с весьма туманной биографией, неунывающая Барашка, с биографией совсем коротенькой, но нисколько от этого не страдающая, Гремучая змейка со своей неудачной любовью, черный Ворон по имени Канарей – винный дегустатор и эстет, а также другие персонажи, вроде Рыбки или Щенка по кличке, конечно же – Пограничный пес Алый.

Героев становится все больше, истории про них разрастаются. Приключения происходят в деревне, в лесу и на реке, по которой друзья как-то отправились в свой Великий поход.

Рисунки – автора.

О, и Выхухоль просто моя героиня. По определению. Прямо хоть футболки про нее выпускай!!! Ой, сейчас посмотрела картинки на гугле. Это же не птица!!! Сейчас еще википедию читаю! Это шок! :))))))))))))) Надо срочно перечитать все сказки. Так даже ржачнее получится. Это же вообще потрясающе!!!! :)))

*(Из письма
первой читательницы,
моей дочки Лиды)*

Выхухоль и скворечник

Борис Дубов построил в саду скворечник.

Скворечник был огромный, почти как дом.

Он стоял на земле.

Такой получился.

В скворечнике поселилась Выхухоль.

Она утром выходила из скворечника, оглядывала красным глазом окрестные виды, говорила: «Засрали всё, гады!» – и опять уходила спать. Она очень много спала, в этом скворечнике, потому что на улице было жарко. Лето же.

Выхухоль и Борис Дубов

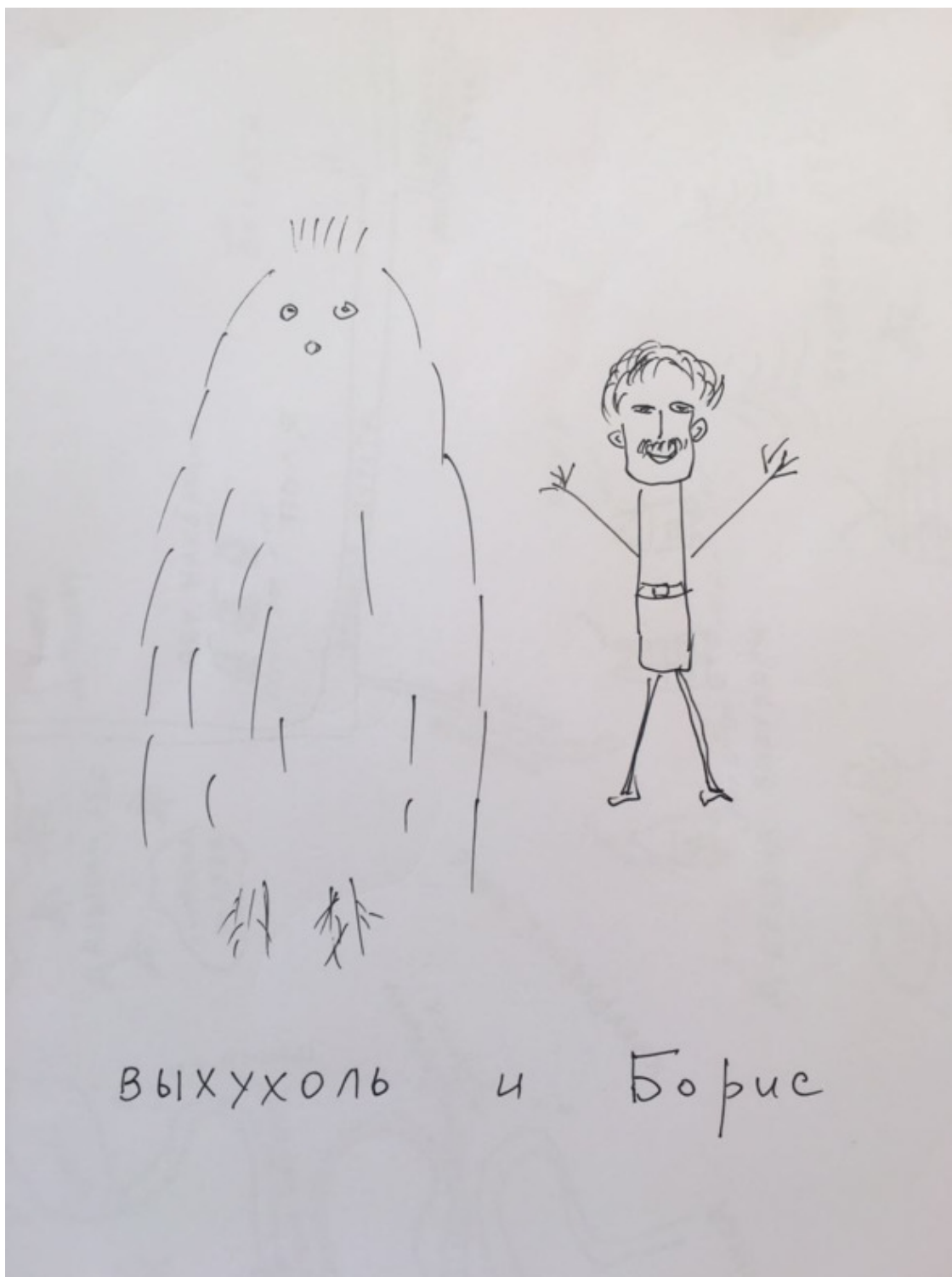
Борис Дубов долго не знал, какого пола его Выхухоль, мальчик или девочка.

Ну, собственно, не его, а просто Выхухоль, которая поселилась в скворечнике.

Спросить он стеснялся, и только иногда косился глазом вниз, в направлении Выхухоли.

Выхухоль смотрела на него красным глазом и говорила: «Ну, Борис, не надо!»

И Борису становилось стыдно. Тем более под шерстью или перьями, что там было у Выхухоли, все равно было не видно. А вот стыдно становилось.

Выхухоль и внешний вид Выхухоли

Борису было непонятно, чем покрыта Выхухоль.

То ли шерстью, то ли перьями.

Вообще было не понятно, к чему это всё.

То ли это птица вроде курицы, то ли это животное вроде выдры или песца, к примеру, а может, навряде кота породы мэйнкун.

Хотя не похожа ни на тех, ни на других, ни на третьих.

С другой стороны – рост.

Выше Бориса. И крупнее.

И была ли вообще Выхухоль выхухолью – большой вопрос.

С виду не разберешь, а пощупать шкуру было невозможно, из этических соображений.

– Ходячая шуба! – сказал Печник про Выхухоль, но что с него взять, с Печника?

Хотя вообще-то внешний вид Выхухоли производил приятное впечатление, даже на детей, если бы не некоторая загрязненность временами и не красный глаз, особенно с просыпу.

Выхухоль и прогулки с Борисом Дубовым

Иногда Борис Дубов ходил с Выхухолью гулять.

Они шли бок о бок по пыльной дачной дороге в сторону города.

Оттуда иногда приносило ветром заводские дожди.

Тогда Выхухоль покрывалась синеватым, а то и зеленоватым кислотным налетом.

В сочетании с красным глазом это выглядело красочно, хотя и пугало особо нервных и чувствительных.

К тому же Выхухоль начинала кашлять, с отчетливым выхухолевым акцентом.

Но прогулкам это не мешало.

Только иногда кто-то шуршал в кустах ивняка вдоль дороги.

То ли соседские дети следили за прогулкой Бориса и Выхухоли.

То ли это змеи расплзались с нагретых пригорков: уж очень они боялись Выхухоли. Хотя она их не трогала.

Выхухоль и иностранные языки

Выхухоль пыталась учить иностранные языки.

Пела она хорошо, со способностями, а вот языки никак не давались.

Она сидела в своем скворечнике, упершись красным глазом в учебник, и мучалась.

– Борис, – спрашивала она внезапно, – а можно сказать «маньди» или «саньди» вместо «маньдей» и «саньдей»?

Борис не отвечал.

Всем было ее жалко.

Борис Дубов иногда говорил: «Брось мучаться, давай лучше траву покосим!»

Но Выхухоль знала, что очень важно заниматься языком хотя бы полчаса в день, зато каждый день.

Все равно толку не было.

Грубо ругаться матом по-английски, как другие, она не хотела, а другие слова ей как-то не подчинялись.

Выхухоль и пение

Зато пение Выхухоли давалось.

Ей нравились «Подмосковные вечера».

Элтон Джон нравился, Лепс нравился.

Ей не нравились негритянские всякие песни-речитативы, кроме одной, из фильма, где актриса Пфайфер, американская, играет морскую пехотинку, которая теперь преподает в школе для трудных детей в бедном районе Америки.

Так вот там была песня, рэп, очень ритмичная, с припевом красивым, и она пришлась Выхухоли по душе.

Со временем она узнала вдруг, что это вообще-то бандитский рэп, но поделаться уже ничего нельзя было, раз нравится. «Любовь зла», – сказал про это Борис Дубов. Со знанием дела сказал.

Когда Выхухоль, прищурив красный глаз, начинала напевать эту песню, мелодию, конечно, не слова, всё вокруг затихало.

Сворачивали свой треск кузнечики в полях, кроты пробкой застревали в своих ходах, плотва переставала выпрыгивать, резвясь, из воды, а застывала, шевеля хвостом, в той же воде, невесомые водомерки замирали на месте, прижимаясь на всякий случай к кувшинным листьям.

Даже бесстрашная и вечно невозмутимая сова в ближнем лесу нервно ежилась в своем дневном дупле, ерзала, стараясь покрепче сомкнуть свои круглые желтые глаза. Ей казалось, что надвигается страшная гроза.

Но, конечно, всё кончалось хорошо, как только Выхухоль прекращала петь.

Особенно ей удавалось верхнее «ля» второй октавы.

Выхухоль и Печник

Вот с кем Выхухоль не ладила, так это с Печником.

Со всеми – «Вась, Вась», ну, в меру, конечно, а с этим – ну ни в какую.

Не совпадали они в отношении к жизни, ни по коренным вопросам бытия, ни по житейским подробностям.

А еще – Печник всё подбирался и подбирался к скворечнику, в котором жила Выхухоль.

Печник хотел во что бы то ни стало сложить там печь, иначе он мог без практики потерять квалификацию.

Другие его давно уже к себе не пускали на предмет печкостроения, а здесь, думал он, может и прокатит. На новенькую.

Он полагал, что Выхухоль его не заметит, потому что у нее глаз красный и можно тихо подобраться.

Но Выхухоль его замечала своим красным глазом и шугала, махала на него то ли своим крылом, то ли лапой.

И так жарко, солнцепек, куда еще печь-то?

От испуга Печник падал навзничь и покрывался потом.

Так и лежал не шевелясь в траве возле скворечника, притворялся, чтобы не тронули.

Замирал, как будто Выхухоль – это какой-нибудь злой медведь-шатун, который пададь понюхает, понюхает, да и не тронет. Про запас оставит.

Даже было неприятно смотреть на такую вот картину с лежащим неподвижно телом – хоть мелом по контуру обводи, – а ведь внешне это был благообразный седой старичок с бородкой, в полотняной рубахе с пояском и просторных штанах а-ля Лев Толстой и, конечно, в широкополой соломенной шляпе.

Покачав головой, Выхухоль уходила грустная в свой скворечник, закрывалась и не показывалась, пока Печник не уходил, отряхнув свою шляпу от пыли.

Как будто она кому нужна была.

Выхухоль и Гремучая змейка

– Ты глазки-то на меня не тарашь! – сказала Выхухоль.

Гремучая змейка смотрела на нее снизу и пыталась поднять хвост, чтобы погреть.

Но хвост отсырел в русском лесу, погремушка скукожилась и греметь не хотела, хоть плачь.

Выхухоль смотрела на Гремучую змейку не без сочувствия.

А вот Гремучая змейка наоборот: подняла голову, открыла пасть и попыталась плюнуть своим ядом в Выхухоль.

Яда было мало, да и был ли это яд? Может, слюна? Или желчь? Откуда ему, этому яду, собственно, взяться на тощем и незнакомом питании?

– Зря ты так, – сказала Выхухоль. – Клюв у тебя не вырос на меня плевать.

Она подошла к Гремучей змейке поближе, наклонилась, разглядела погремушку.

– О, гремучая? А что это у тебя цвет зеленый вместо коричневого? Да еще с красными полосками?

– Сама не знаю! Уйди от меня! Не загорай мне солнце! – сказала Змейка, нервно водя хвостом по земле.

– Ты не на солнце, ты на себя посмотри получше, – ответила Выхухоль. – Одни ребра остались. А зеленой, наверное, от нервов стала. Все болезни от нервов. – Она вздохнула.

Гремучая змейка длинным сдутым шариком опустилась на травку в тени дикого шиповника.

– Как тебя к нам занесло-то? – спросила Выхухоль.

– Я выпала из самолета. Пошла в туалет и выпала.

– Обычное дело у нас. А по-русски ты ничего разговариваешь, наострилась. Родители не лингвисты случаем? – спросила Выхухоль. – Есть хочешь?

Она достала из своей любимой синей сумочки бутылку с молоком, побулькала, отпила глоток.

– Хочешь?

Гремучая змейка сглотнула. Сглатывать было нечего, все пересохло окончательно от бескормицы.

«Как дальше жить?» – подумала она.

– Ты не переживай, – сказала Выхухоль. – У нас тут грибов много, ягод. Земляники хоть отбавляй, черники.

– Я грибы и ягоды не ем, – сказала Змейка.

– Ничего, привыкнешь. Мы здесь все на подножном корму. Остальные привыкли, и ты привыкнешь. Вытянешься, в тело войдешь. Здесь у нас все быстро растут. Химзавод военный, что уж они там химичат, не знаю... Насадкинская аномалия, слыхала?

Она налила молока в свернутый лист лопуха и протянула Гремучей змейке.

Змейка отпила глоток и зажмурилась. Потом снова открыла глаза. Глаза у нее оказались синие-синие.

– А грибы я все равно есть не буду, – сказала она.

– Ну-ну, – ответила Выхухоль, – все так сначала говорят. А потом лопают всё подряд за обе щеки, за шкуру не оттащишь.

– А я вот не буду, – сказала Змейка.

Выхухоль и Рыбка

Выхухоль сидела на берегу речки и болтала в воде ногами.

Или лапами?

Из воды высунулась Рыбка и стала смотреть на Выхухоль.

– Ну, что вылупилась, Выхухоль не видела? – спросила Выхухоль.

– А вы Выхухоль? – спросила Рыбка. – Какая-то вы... Э-э-э...

Ротик у нее был удивленно открыт и образовывал идеальную букву «О».

– А то кто же еще? Ты что, не местная? – спросила Выхухоль. – Что-то я тебя раньше не видела, пеструха.

– Я не пеструха, я из Японии, я карпия, – сказала Рыбка.

Она так и стояла почти вертикально на плавном течении, работая хвостом, а рот у нее был зафиксирован точнехонько на уровне воды. Как воронка. Но вода туда почему-то не заливалась.

«Как только не захлебнется?» – подумала Выхухоль.

– Ну, и откуда ты взялась здесь? – спросила она.

– Я выпала из самолета, – ответила Рыбка.

– А, – сказала Выхухоль. – Ну, да. Конечно. Откуда еще.

Она поболтала ногами, рыбку качнуло.

– Аквариумист менял воду, и вот... – объяснила Рыбка.

– В туалете менял? Что ж у них там у всех руки косые в этих ваших самолетах.

Рыбка пошире открыла узкие глаза.

– Не про тебя речь... Да ладно, мне-то что, – сказала Выхухоль. Помолчала. – Не холодно тебе у нас? В Японии поди теплее, возле этой вашей Фудзиямы с горячими источниками.

– Привыкаю потихоньку, – ответила Рыбка. – Только поговорить не с кем. Другие рыбы от меня шарахаются.

– Ну да, больно уж ты пестренькая. Была бы просто красная, а то еще и с пятнами, а нос вообще черный, – сказала Выхухоль. – Много отцов, что ли?

– Нет, порода такая, – сказала Рыбка. Она опустилась в воду с головой, поплавала туда-сюда и опять приплыла.

– Да ты не грусти, – сказала Выхухоль. – Тут у нас интернационал. Гремучая змейка, Мальчик, еще кое-кто, теперь ты вот. Притрешься.

– А можно я к вам буду приплывать, так просто, поговорить, пообщаться? – спросила Рыбка. – Язык буду совершенствовать.

– Да приплывай, совершенствуй, речка общая, не жалко.

Солнце встало совсем высоко и жгло макушку.

Выхухоль поднялась, отряхнула зад от травинки, отодрала репейные колючки, которые в зоне доступа оказались, и пошла по тропинке домой.

Потом повернулась и спросила:

– Слушай, а как по-японски «до свидания»?

– Саёнара! Ой, нет, это значит «прощай!» – Рыбка заволновалась и завертелась в воде. – Лучше... лучше говори «цзя мата» – «еще увидимся»!

– А, ну это почти по-китайски – «цзай-цзянь»! У китайцев и взяли, наверное. Ох, уж эти мне японцы. Может, тебе поесть что принести? Риса там какого-нибудь? У нас как раз в сельпо завезли, краснодарский, мягковат, только кашу из него варить, но для сельской местности сойдет. В воде размочишь, что тебе еще надо?

– Спасибо, мне водорослей хватает. В них йода много. И витаминов. Ой, а японского зонтика у вас нет случайно?

Выхухоль и раздумье

Выхухоль любила думать.

Она, собственно, этим и занимала почти все свое время.

Нет, конечно, она ходила за грибами, косила траву, сажала цветы, ела сливы с дерева, качалась в гамаке, воспитывала окружающих в духе добра и терпимости, но главное, она думала.

Если бы ее спросили, о чем она думает, Выхухоль вряд ли бы ответила.

Однако по ночам у нее в скворечнике часто горел свет.

«Думает», – думал Борис, выходя ночью под звездное небо.

Иногда он надевал на лоб фонарик для ночной рыбалки и высвечивал пятном света изумрудно-серебряную лужайку у дома и седые стволы елей.

– Борис! – говорила укоризненно Выхухоль, выходя из скворечника.

Борис поспешно выключал фонарик, восстанавливая природное равновесие, а Выхухоль уходила к себе.

Им было не скучно наедине с собой и своими мыслями – Выхухоли в своем скворечнике, а Борису на росистой траве под звездным небом. Огромным, дырявым.

Борис босиком ходил по щекочущей ступни росе, а потом, нахолодавшись, с удовольствием нырял в теплую постель!

Жалко только, что Выхухоль боялась росы. «Не полезно для шерсти», – говорила она.

Выхухоль и наука

– Борис, наука нам нужна? – спросила Выхухоль.

– Странный вопрос, – ответил Борис.

Дело в том, что Борис Дубов сам был ученым, и еще каким, он занимался ихтиологией, медициной и краеведением, когда-то работал фельдшером на скорой помощи, а потом стал биологом, увлекался историей дворянских усадеб, у него были усы, густая шевелюра, умные глаза и обаятельная усмешка, он многое знал про рыб и людей, про движение жизни в организме, про уловки и ужимки митохондрий, и вообще, стоило его копнуть, как открывались большие научные глубины. При этом смеяться не очень любил. Зато если уж смеялся, то очень заразительно.

– Что ты знаешь о бифуркации, например? – спросила Выхухоль. – Или об уровне многочленов по плоскости?

Борис покривился.

– Я в высшей математике не петрю, – сказал он. – Это слишком специально.

– А вот кто в ней петрит, это хороший человек? – спросила Выхухоль. – И сама ответила: – Думаю, очень хороший. Ведь когда он об этом думает, он не мучает животных, не кричит по ночам под окнами пьяным голосом, не обворовывает дачи, не бросает мусор в лесу, не гоняет жену.

– А если гоняет?

– Тогда это не ученый, – ответила Выхухоль. – Разве это научно – гонять жену, да еще в пьяном виде, да еще наверняка небритым, в рваной рубашке, без ботинок.

– Куда-то ты не туда захала, – сказал Борис.

– Туда, туда, – сказала Выхухоль. – Люблю науку.

Выхухоль и Гремучая змейка-2

Выхухоль и Борис Дубов часто прогуливались по лесу. В лесу у них была любимая солнечная полянка. Не та, которая подальше, слегка под наклоном, почти у оврага, а другая, в ближайшем лесу, небольшая, но тоже круглая, веселая, в орешнике, елках и березах.

Они часто туда ходили – до тех пор, пока на полянке не построил дом местный лесник.

Он отгрохал огромную домину и огородил полянку забором, прямо по самым земляничным местам.

Выхухоль и Борис теперь обходили полянку стороной, стараясь не смотреть на зеленый забор.

И сейчас они направлялись в дальний лес.

Из-за кустов бузины раздалась песня:

– Я в ответ улыбаюсь смущенно,
Опускаю ресницы смущенно,
И молчу я, как будто смущенно,
Ну а сердце от счастья поет...

Слабый голос дрожал и пришептывал.

– Песенка Синеглазки, – сказал Борис. – Слова Энтина, музыка Гладкова.

– Кто это там шепелявит? – удивилась Выхухоль.

Они заглянули за кусты.

На траве за ними лежала Гремучая змейка, она обвилась вокруг высокого мощного мухомора, и, приподнявшись, любовалась своим отражением в лужице воды, скопившейся в углублении красной, с белыми точками, облупившейся по краям шляпки.

– Ах, глаза у Синеглазки... – Она увидела Выхухоль и Бориса и замолкла.

– Пой, красавица, пой, – разрешила Выхухоль.

Гремучая змейка смущенно улыбнулась, этак натянуто, стараясь не трогать правую сторону, но рот все равно приоткрылся и обнаружил отсутствие зуба.

– Эй, да ты без зуба, мать, – сказала Выхухоль. – Кто это тебя так?

– Неважно, – ответила Гремучая змейка, ослабила хватку и отползла от мухомора.

Мухомор облегченно вздохнул.

– Как ты, вообще? – Выхухоль присела на пенек.

– Да все в порядке. В полном, – ответила Гремучая змейка.

– Слышала, ты приятеля себе завела, – сказала Выхухоль. – Это не он тебе зуб-то выбил?

Борис Дубов толкнул Выхухоль в бок.

– Ничего, ничего, не развалится, – сказала Выхухоль, – как на ферму за молоком шастать, так она бойкая...

– Моя личная жизнь – это моя личная жизнь, – сказала Гремучая змейка, прикрывая хвостом корону из бересты, которую собиралась было примерить, – и вообще, какое право вы имеете...

– Эх, шепелявая, – сказала Выхухоль. – Ты бы лучше о других думала, а не о себе. Небось не одна в лесу живешь.

– То есть?

– А то и есть! Вот тут лесник завелся, дом себе построил, все ягодные места затоптал, опушку грибную загубил, не пройти никому, – сказала Выхухоль. – А про соседку он не знает. Про тебя то есть. Заглянула бы к нему, на чай с молоком.

Борис опять толкнул Выхухоль.

– Да хватит толкаться. – сказала Выхухоль, – ничего ему не делается. Новый опыт, новые впечатления. Будет о чем внукам рассказать.

– А что, и загляну. На чай если, с молоком, – сказала Гремучая змейка. – А куда ползти?

– А вот прямо на закат и ползи, – сказала Выхухоль. – На огонек. Да не стучи в дверь, а сразу вползай, в щель какую-нибудь. Сюрприз! И погреми там погромче своей погремушкой, порадуй народ.

– А то! – сказала Гремучая змейка.

Она шустро поползла в сторону заката, через кусты малинника, мимо дубов, к елкам, в сторону дома лесника.

Она слабо, но довольно точно пела:

– Ах, глаза у Снегизки,
Вы у неба взяли краски,
И небесной красотой
Синий взор сияет мой.

– Хорошая песня, – сказал Борис Дубов. – За душу берет.

– Знаю я этого Энтина, пересекались, – сказала Выхухоль и призадумалась.

Выхухоль и самолеты

Как-то так выходило, что всю информацию о мире Выхухоль получала из падающих сверху журналов.

Над деревней, высоко в небе, пролегали синие воздушные трассы во все стороны.

Японские летели из Японии, китайские летели из Китая, а немецкие из Германии.

Откуда летели другие самолеты, в деревне могли только догадываться.

Наверное, из Америки. Мир-то большой, чего гадать.

Из самолетов всё время что-то выпадало.

В основном это были газеты и журналы.

Наверное, пассажиры выбрасывали их из окошек, прочитав.

По утрам Выхухоль подбирала возле своего скворечника кипы почти свежих газет и журналов.

Она знала новости всего мира.

Мир был глянцевый и красивый.

Но в нем много воевали.

Поэтому Выхухоль часто грустила.

Иногда из самолетов падали вниз отечественные товары, в основном самовары.

Наверное, пассажиры из них пробовали пить чай, не получалось, и они их выкидывали.

Летом почему-то чаще.

Не так уж много и выкидывали, но на заднем дворе, за скворечником, их скопилось уже немало.

Вся деревня их приносила Борису, вроде как для ремонта, но потом все про них забывали.

Соседская старушка подворывала у Выхухоль эти помятые, с гнутыми краниками самовары, и отправляла с оказией на тульский завод, где у нее работали племянники.

За деньги, конечно, пусть и небольшие.

А вот газеты и журналы никому не были нужны, и Выхухоль вырезала из них картинки и наклеивала у себя в скворечнике.

Особенно много картинок было про природу.

Она же красивая.

Выхухоль и нападение зимних зайцев

Выхухоль была единственной, кого боялись зайцы.

Зайцы жили в соседнем лесу. Летом их не было ни видно, ни слышно, а зимой просто беда!

Как только выдавалась особо морозная ночь и снег становился плотным, образовывая твердый наст, они выходили из леса и подступали к деревне.

Здоровенные, в цвет снега, с пламенными глазами и огромными белоснежными, с синевой, зубищами.

Шли в полный рост строем, как в психической атаке белогвардейцы в старом-престаром фильме «Чапаев».

Фильм этот зайцы тоже уже слабо помнили, но вот так вот от леса в сторону деревни и шагали в полный рост, высоко задирая лапы. Задние, конечно.

Шли молча, как и полагается в психической атаке.

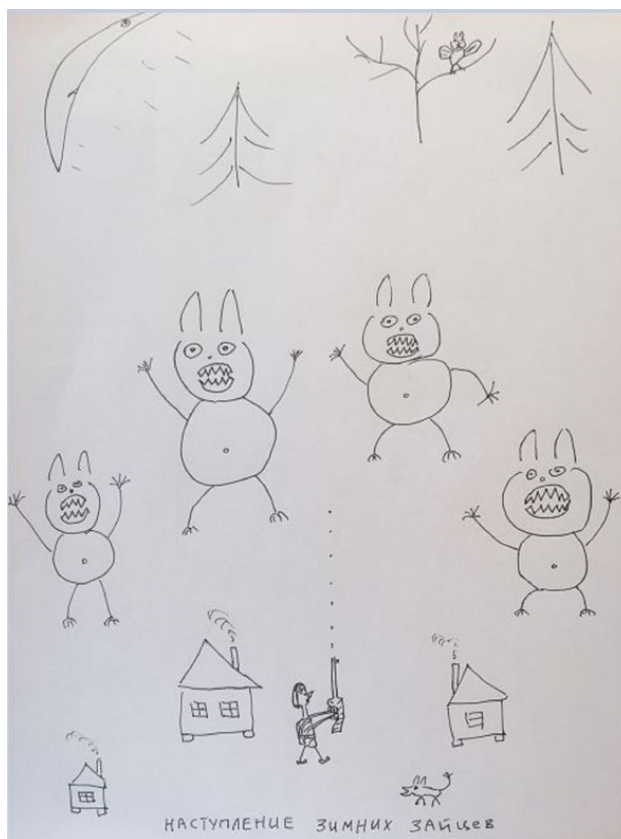
Луна светит, но не греет, а наоборот, холодит, деревня как бы притихла и спит, а зайцы через поле идут неровным строем сурово и неуклонно, только снег под лапами хрустит – «хрусть, хрусть».

Вроде ничего особенного, по нынешним временам, однако по спине мурашки так и бегают туда-сюда, туда-сюда, и волосы шевелятся. У всего народа.

Раньше мужики деревенские с дачниками вместе, кто посмелее, бывало, залягут в полночь на околице в снежных окопчиках с ружьями, хотят встретить огнем, но когда зайцы все ближе и ближе, когда по ушам только «хрусть, хрусть», когда белые тени растут и растут до неба, огненные глаза горят так, что аж луны не видно, когда уши острыми саблями вскинулись, а резцы огромные стальным блеском сверкают – ой-ё-ёй!.. Тут даже самые храбрые не выдерживают, бросают куда попало свои ружья и травматы и по домам бегут прятаться. Ложатся в постели и дрожат до утра вместе с женами. Дети-то, конечно, спят уже, несмышлёныши.

Но дети, кстати, вот такими вот утрами в школу не ходили, пользуясь чрезвычайной ситуацией, как многие вообще у нас пользуются чрезвычайными ситуациями.

Этих зимних зайцев с их ночными немыми атаками даже волки боялись и переселились от греха подальше за дальний овраг, в самый бурелом.

Ну, их можно понять, страшно же, жить-то все хотят.

А зайцам только того и надо. Они молча подходили к садам и грызли плодовые деревья и даже кустарники, предпочитая черную смородину. Так грызли, что и бобрам не снилось. Всё обгрызут, поломают, затопчут, нагадят где попало – и назад в лес, в лежки, спать.

Словом, зимние белые зайцы держали деревню в страхе.

Но только до той поры, пока в скворечнике не поселилась Выхухоль.

Она зимой там тоже жила. Борис Дубов отопление сделал, воду горячую провел, главное, посуду мыть можно. Вот только теплого туалета пока не было, Дубов всё обещал, обещал и всё откладывал, мол, то труб нет, то еще чего-то там необходимого.

Ну вот, в первую же ее, Выхухоли, дачную зиму зайцы, как водится, в крещенские холода, в самый лютый мороз ночью двинулись через поле к деревне. Идут бодрые, голодные и свирепые, глаза как фонари, зубы клацают, лапищи по снежной крепости – «хрусть, хрусть, хрусть, хрусть».

Жуть.

А Выхухоль как раз на крыльцо вышла, покурить. Она любила курить, глядя на звезды в небе.

А зайцы все ближе.

Надо сказать, что зайцы вообще-то ничего не боялись.

Один раз мужики даже трактор поставили на их пути, с работающим двигателем. Раскрасили под танк, башню с пушкой из фанеры сделали, валунами обложили для прочности.

Так все равно никакого толка. Загадили только технику зайцы со всех сторон, башню отгрызли с пушкой, и снова к себе в лес.

Бесстрашные были, как самураи.

Но тут – вот когда Выхухоль на крыльцо вдруг вышла – тут они и заробели. И встали все как один.

На них из темноты смотрел огромный красный глаз.

Второй глаз Выхухль прищурила от сигаретного дыма.

Боевая шеренга смешалась, зайцы сбились огромной толпой на околице, топчутся на месте, смотрят на этот глаз, как замороженные, и не с места.

А большой красный глаз смотрит на них.

Как бы светит в упор и бьет далеко – до самой до опушки, туда-сюда шарит, как лазерная указка. Иногда в небо лучом уходит.

И так зайцам стало страшно, что лапы подкосились, они опустили на все четыре конечности, прижали уши и бросились назад в лес, давя друг друга, не разбирая дороги.

Да и какая там дорога в полях и лесах? К тому же зимой.

С той поры они в эту деревню ни ногой.

А Выхухоль что – покурила себе спокойненько, полюбовалась окрестностями и домой в скворечник.

Думаете, деревенские или там дачники хоть спасибо ей сказали?

Фигушки.

А ей и не надо.

Выхухоль, собственно, до поры до времени и не знала, что спасла деревню от зайцев.

Она же на небо вышла посмотреть, на луну, на лес.

Что ей какие-то зайцы?

К тому же она была немного близорука, на ночь линзы уже вынула и положила в чехольчик в ванной, на раковину возле умывальника.

Она же очень хозяйственная, Выхухоль.

Выхухоль и плавание

Выхухоль иногда ходила плавать на пруды под березами.

Пруды прятались вдалеке от дачных домов, в березовой рощице, примыкающей к большому лесу, на дне в них били ледяные ключи, намывая глубину, однажды там даже утонул трактор, по слухам, вместе с трактористом, и народ туда ходить побаивался.

Выхухоль это не пугало.

Она брала с собой Бориса Дубова, перекидывала через плечо полотенце, и они плечом к плечу шли песчаной дорогой через луг с высокой травой, обходя выпрыгивающих прямо под ноги кузнечиков.

Вообще-то Выхухоль плавание не любила, вернее, сначала, когда-то, любила, а потом дико устала от него.

– В детстве переплывала, – сказала она как-то Борису Дубову, – заставляли. Да еще попала в старшую группу, нагрузки там знаешь какие? Я плавание просто ненавидела, меня от него тошнило, живот ныл, до диареи фактически, стыдно сказать, доходило, шла на занятие и еле сдерживалась на ходу. Лишь бы до спортцентра дотерпеть. Даже способ придумала с поносом бороться. Как-то шла, еле терпела и вдруг поскользнулась и шлепнулась на попу. И в туалет сразу расхотелось. И с того дня как по дороге совсем невтерпеж, уже умышленно шлепалась на задницу.

– Помогало? – спросил Борис.

– Да, помогало. Но сколько так могло продолжаться? Плакала, конечно.

– Ну, и...? – спросил Дубов.

– Не нукай, – ответила Выхухоль. Но продолжать не стала...

Подойдя к пруду, она надевала очки для плавания и плюхалась с обрыва в воду, уходила в коричневую глубину, в сплетения лилий и кувшинок.

– Смотри, какой у меня гребок, – кричала она, отплеываясь и задирая над водой голову в круглых очках с голубой оправой, – эластичный, длинный, до конца доведенный, классный. Это я кролем плыву.

Борис Дубов грустно смотрел вниз с обрыва и жевал травинку, он бы тоже окунулся, но все время забывал дома плавки, а без них плавать было совсем уж голо.

– Смотри, а теперь брассом! – хвасталась Выхухоль. – Там пузырьки такие веселые, под водой!

Она нарядно смотрелась в голубых очках для плавания.

Борис Дубов настороженно озирался вокруг: как-то на пруды забрел веселый от летнего дня механизатор из соседнего сельскохозяйственного совхоза-техникума, увидел над водой голову Выхухоль в голубых фирменных очках и после этого уехал с малой родины навсегда, по слухам, стал искать страну Аватаров, добрых и веселых, и, главное, безволосых.

– Ты знаешь, Борис, ведь для счастья не так уж много и надо, – сказала Выхухоль, выходя из воды и отряхиваясь. – Сначала надо что-то полюбить, потом возненавидеть, но все равно любить в глубине души, а потом вернуться, понять, что боялся зря, и снова полюбить, как раньше... Главное, не бояться. Да не сиди ты сиднем, дай водички попить!

Выхухоль и Соседская старушка

По соседству со скворечником, в котором жила Выхухоль, через забор фактически, стоял домик Старушки.

Старушка была не то чтобы очень вредная, но житья никому не давала.

Старушка не знала, что Выхухоль – это Выхухоль.

Она поначалу думала, что Борис Дубов из жадности построил второй дом и сдает его теперь за большие деньги дачнице с противным голосом.

Старушка была подслеповатая, она, конечно, видела Выхухоль, когда та выходила качаться в гамаке, возилась с розами или шла на пруд с Борисом Дубовым, но различала только силуэт, а кто там, что там, ей было все равно, вот только голос новой дачницы вызывал раздражение.

– «Борис, Борис, принеси мне молока», – передразнивала Старушка. – Как будто сама не может задницу свою оторвать, если пить хочет, да и воду надо пить, а не молоко, молока на всех не напасешься, коров-то теперь не держит никто, разленились. Одни козы, и те шальные какие-то, так и лезут в огород, прости меня, господи.

Еще она перебрасывала на участок Бориса Дубова бурьян, который занял ее грядки, сорняков было так много, что не уследить, и росли они на удивление быстро.

Выхухоль, конечно, не обращала никакого внимания на Старушку, она и не таких еще старушек повидала на своем веку, а будь здоров каких старушек, одну даже вообще просто шпионскую старушку, совсем уже пропащую, хотя и с прекрасным английским языком.

А вот Бориса Дубова ей было жалко.

Воспитание и врожденная эмпатия не позволяли ему жестоко обращаться с растениями, живые же все, он подходил к сорнякам, смотрел на их буйные заросли, и, покачав головой, уходил домой пить чай и напрасно ждать заката. Почему напрасно?

Потому что лебеда и прочие сорняки выростали огромные, лопухастые, до неба, они заслоняли солнце, а Борис Дубов любил смотреть утром на восход, а вечером на закат.

А тут как назло – ни заката не видно, ни восхода, один зенит, не команда футбольная, а когда солнце высоко, через бурьян перепрыгивая, идет по самой верхушке неба.

Что делать?

Другая бы или другой стали бы нервы напрасно жечь, раздумывая, как поступить с этой Соседской старушкой.

Она к тому же еще и мак стала выращивать, якобы для маковых булочек, а на деле все равно сплошной сорняк, одно название что мак.

Хотя поселковый участковый все равно насторожился, иногда к ней навевывался, приглядывался, принюхивался и как бы невзначай просил почитать литературу про выращивание полезных растений, «ну, конопли там, к примеру, или еще чего». В медицинских как бы целях, говорил. Мол, зубы у него болят.

Но Старушка читать не любила, книг дома не держала.

А если бы и держала, то все равно не дала бы.

Не любила она отдавать.

Наоборот.

Она любила зайти к соседям, попросить что-то и не отдать.

Так что если что-то и можно было у Старушки получить, так только свое. И то без гарантии, с порчей нервов.

Вот поговорить она любила. Но если говорила о ком-то, то лучше и не передавать никому, что она там говорила.

Другой бы или другая при мысли о Старушке стали бы мечтать о гранатомете.

Но Выхухоль не такая.

Выхухоль просто однажды ночью перелезла через соседский забор, да какой там забор, гнилой штакетник, дыра на дыре, видимость одна, и вырвала все Старушкины сорняки на фиг, а на пустое место постелила искусственный газон, которые ей привез по дружбе озеленитель стадиона «Лужники».

С ним ее познакомил Борис Дубов, который в свое время добровольно ушел из своего умного биологического института и три года добровольно строил новую арену стадиона к Олимпиаде-80, пройдя в комплексной строительной бригаде славный трудовой путь от «подсобно-транспортного рабочего 2-го разряда» до «плотника 4-го разряда» (почти самый высокий плотницкий ранг!), тачку возил, бетон заливал, опалубку сколачивал, леса ставил – не задаром, конечно, а за квартиру, обещанную Моссоветом, которую и получил, слава богу, за труды свои тяжкие, не в обход других причем, потому что так и так стоял в районной очереди на улучшение жилья. Всем известно, что в Лужниках всю траву то и дело меняют в целях освоения выделенных средств, но не все знают, что новый свеженький газон главный озеленитель не кладет на арену, а отдает знакомым, старый же слегка подстригает, подновляет акриловой краской сочного малахитового цвета, и готово дело.

– Всё равно наши футболисты-оболтусы играют так себе, обойдутся, – говорил озеленитель после рюмочки-другой, – им бы на пустыре мяч гонять, и бесплатно, а не за такие деньги, дармоеды и лоботрясы, тьфу на них, глаза бы не глядели! (Дубов при этом всегда добавлял: «По соотношению цена-качество наш футбол, конечно, достоин занесения в книгу, только вот в какую, непонятно». А озеленитель на это всегда замечал: «Уголовного кодекса наш футбол достоин». И они чокались, проявляя взаимопонимание и согласие.)

Выхухоль постелила этот веселый, плотный и упругий, не топтанный еще зелененький газон, распространив на весь двор Старушки, почти до сортира у задней стены забора. Газон показался ей на ощупь чуть жестковатым, и она опрыскала его водой из шланга.

Утром Старушка вышла во двор и встала столбом.

Потом, треща косточками, опустилась на колени, погладила ровную изумрудную травку по голове и заплакала: такой красоты она в своей жизни еще не видела.

Как подменили после этого Соседскую старушку. Ну, почти подменили. Она распахнула свою калитку настезь и теперь утром, днем и вечером выходит на улицу и ждет прохожих, зазывает красотой любоваться. И старается говорить всем добрые слова.

С непривычки тяжело ей, заикается, потеет, но старается. Потому что понимает, что если ляпнет злое слово, никто к ней не придет разделить радость.

А тогда зачем газон?

Даже в дождь выходит к своей калитке, караулит.

А от дождя ее спасает кофейного цвета дождевик, который она сперла давным-давно у Бориса Дубова.

Ну, не сперла, конечно, а так, одолжила однажды в магазин сходить, да забыла вернуть. Не со зла же.

Выхухоль и осиное гнездо

В скворечнике, где жила Выхухоль, завелось осиное гнездо. Как оно там завелось, никому не ведомо, не было, не было, и вдруг на тебе – висит! Вернее, прилепилось к потолку, к балке, на стыке со стеной. Сначала Выхухоль не обращала на него внимания, подумаешь, серый мешочек, надутый пустой кулек из жеваной промокашки.

Но осы так не думали.

Они думали, что кое-то теперь лишний в скворечнике.

Они стали подлетать к Выхухоли и смотреть ей прямо в лицо.

А Выхухоли что, ей и не такие смотрели в лицо.

Но одно дело смотреть, а другое дело, когда тебе чуть ли не в рот залетают.

Или в ухо.

Чего они там нашли, в ухе у Выхухоли, непонятно, но, видно, наравилось, тепло там, уютно по-домашнему, чуть замешкается Выхухоль, и вжи-их, опять кто-то в ухо влетает. Или вылетает.

Причем невозможно посчитать, сколько их там, и все ли уже вылетели или кто-то еще остался. И можно уже в ухе поковыряться, почистить, или пока нельзя.

Ночью еще ничего, а вот днем спать стало невозможно, ухо не приклонишь к подушке, живые же твари, хоть и маленькие.

И съесть ничего спокойно нельзя чего хочется, ни сладкого, ни соленого, ни острого, ни перченого, осы так и выются вокруг, того и гляди, случится беда.

Выхухоль позвала Бориса.

– Борис, с осами надо что-то делать!

Борис посмотрел вверх под потолок, пригладил усы.

– Не знаю, осы не рыбы, вот если бы у тебя рыбки завелись, я бы их переселил.

– Если бы рыбки, я бы тебя не звала. И потом, откуда у меня рыбки могут взяться, где ты здесь воду видишь?

– Не буду я с осами связываться, – сказал Борис. – Меня в детстве укусили в одно место, стыдно сказать. Ты лучше мне раны не тревожь.

И ушел.

Вечерело, на улице зажглись фонари, осы собрались в своем гнезде и не шумели.

Тут в скворечник пришла девочка Лида.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.